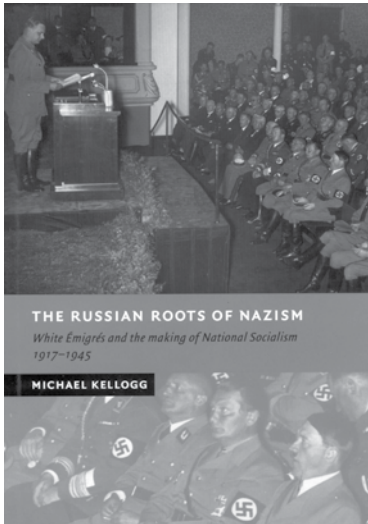

ИГОРЬ МАРТЫНЮК

ТРАНСФЕР ИЛИ КОМПАРАТИВ? РОССИЙСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ НАЦИЗМА

Kellogg M. The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XIII, 327 pp. ISBN: 0-521-84512-2 (hardback edition).

Политическая конъюнктура заметно отражается на постсоветской историографии крайне правых политических движений: отметим, что корпус исследовательских трудов заметно увеличился в середине 1990-х гг., когда разного рода экстремистские организации довольствовались статусом маргинальных на политической арене, и столь же заметно сократился в начале нового столетия, когда деятельность этих организаций стала более масштабной. Эта тенденция

* Рецензия впервые опубликована в: *Ab Imperio*. – 2006. – № 3. – С. 510–520. Приводится с любезного разрешения редакции журнала *Ab Imperio*. Публикуется с незначительными изменениями.

несколько парадоксально воспроизводится в концептуальной части исследований: если работы 1990-х годов уравнивали русский фашизм с черносотенством, как типично экстремистское явление, история и общая эволюция которого едва ли обладала уникальными чертами, то на рубеже столетий проявляется иной крен – феномен русской вариации фашизма в работах исследователей «обособливается», указывается на его философские и организационные истоки, связанные преимущественно со спецификой контекста эмиграции¹. В связи с этим особенно интересно взглянуть на то, как эта историографическая ситуация просматривается в свете дебатов о нацизме, ведь мнения немецких историков сходным образом поляризуются вокруг концепта «особого пути», *Sonderweg*, в культурной и социальной истории Германии². В этом отношении книга Майкла Келлога «Русские корни нацизма: белая эмиграция и возникновение национал-социализма» могла бы представлять двойную ценность, позволив: а) сделать компаративный срез историографии; б) внести новые аргументы, дающие возможность выстроить дискуссию на новом, компаративном поле с вполне сопоставимыми предметами сравнения. Впрочем, именно академического читателя здесь и ждет разочарование...³

Да, М. Келлог вступает в дискуссию, заявляя о необоснованности концепции «особого пути» и спорности приписывания Германии исключительной вины за Холокост. Однако основной аргумент, стыкующий, по его мнению, противоположные мнения «за» и «против», выглядит в рецензируемой работе довольно просто: нацизм явился результатом «синтеза радикально-правых немецких и русских движений и идей», тесного сотрудничества и опосредованного взаимовлияния русских белоэмигрантов, жаждавших

¹ См., напр.: *Окороков А.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). – М.: Русаки, 2002. – 595 с.

² Самый свежий пример см.: *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right / Eds. R. Griffin, W. Loh, A. Umland.* – Hannover, 2006.

³ Отметим, что скорое появление русского перевода работы М. Келлога представляется, вероятно, проблематичным: и политическая, и академическая конъюнктура нивелируют его ценность, автор может рассчитывать скорее на чисто коммерческий успех.

монархического реванша над большевизмом, и правых консервативных политиков Веймарской Германии, стремившихся сбросить «иго» Антанты и Версальского договора (с. 5–9). Как видно из текста практически всех глав, наиболее полное взаимопонимание обе группы находили в антисемитской риторике, тон которой задавали именно выходцы из развалившейся в 1917 г. Российской империи. Келлог, увы, не предлагает никаких концепций для объяснения этого, ограничиваясь воссозданием нюансов истории главной организации нацистов и белоэмигрантов – «Ауфбау» (Aufbau, в переводе с немецкого «Реконструкция»), просуществовавшей всего три года, с 1920-го по 1923-й.

С точки зрения оценки мастерства историка, огромное разочарование вызывает отсутствие тщательной проработки историографии во введении. Совершенно непростительным представляется то, что автор игнорирует ряд ключевых работ, так как некоторые аспекты его темы были уже озвучены, например, в первом классическом труде по истории эмигрантского фашизма Дж. Стефана⁴. Именно в этой работе была намечена история самой «Ауфбау» и прорисованы пунктиром биографии многих главных персонажей книги Келлога (до сих пор малоизвестных), таких как, к примеру, М. Шейбнер-Рихтер. В списке использованной литературы отсутствует масса опубликованных к 2005 году работ (а фактически, весь корпус новых трудов по истории русского эмигрантского фашизма и русского позднеймперского национализма), что можно, вероятно, объяснить лишь тем, что Келлог сфокусировался на начале 1920-х гг., а не на 1930-х, когда в Китае, США и Европе появились нацистские и фашистские организации эмигрантов. Не меньшее удивление вызывает крайне скудная подборка литературы о русской эмиграции в Германии, ограниченная трудами К. Шлэгеля и Р. Вильямса (социально-культурный контекст эмиграции во введении вообще отсутствует как часть исследовательской проблемы). Эту лауну мы попытаемся интерпретировать в ходе обсуждения двух первых глав книги. Отметим пока, что М. Келлог предпочитает выстраивать свой нарратив преимущественно на основе первичных источников, которым он, похоже, всецело доверяет.

⁴ *Stephan J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945.* – London: Harper & Row, 1978. – 450 p.

С одной стороны, количество проработанных им коллекций и список архивов (М. Келлог имел доступ к материалам в федеральных российских архивах, и что очень важно – также к материалам немецким, как в центральных, так и в региональных архивах, в Баварии) просто шокирует читателя: такой скрупулезной, без преувеличения – титанической, а подчас и потрясающе филигранной работы с множеством источников нельзя не оценить. С другой стороны, необходимость критического отношения к ним М. Келлогом попросту игнорируется. Источниковую базу работы составляют не только материалы министерств и государственных структур Германии, которые вели наблюдение за деятельностью как эмигрантских организаций в Берлине и Мюнхене, так и праворадикальных национал-социалистических объединений, но и большей частью материалы французской разведки и польской контрразведки (II отдел Генштаба), вывезенные немцами с оккупированных территорий и захваченные в 1945 г. в качестве трофеев советской армией. Сложно судить, насколько достоверными были данные об «Ауфбау» в игре немецкой и французской агентуры и контрразведок. Отмечу лишь, что к польским документам II отдела нужно относиться весьма осторожно, поскольку многие из них содержали заведомо ложные данные, поставляемые, кстати, в виде дезинформации двойными агентами ГПУ⁵. М. Келлог здесь абсолютно не учитывает то, что советские органы безопасности начиная с 1921 г. вели активную игру на «территориях» белоэмигрантского противника, не только фальсифицируя документы, но и имитируя деятельность подставных «монархических» структур.

Вернемся к содержанию книги. Сравнительная перспектива выдерживается только в первой из глав («Правый лагерь в Российской империи и кайзеровской Германии»). М. Келлог в общих чертах реконструирует историю русского черносотенства к 1917 г., организаций А. Дубровина, В. Пуришкевича, а также упоминает об антисемитской

⁵ Автор данной рецензии убедился в этом, работая с тем же архивным фондом, что и М. Келлог, в Российском государственном военном архиве (РГВА) в Москве. По всей видимости, один такой эпизод остался не замеченным Келлогом в шестой главе, где упоминается о контактах связника «Ауфбау» с якобы «националистическими организациями» внутри СССР (с. 185–186).

ідеологічеської середі, підпитувавшій їх. Реконструкція ґрунтується переважно на вторичній літературі (дві книги). Совершенно нелепим представляється причислення філософа В. Солов'єва до поборників теорії сионістського заговору: М. Келлог не удосудився ізучить хочь что-то по данному вопросу (кромє одної статті), сбросив со счєта утвердившєся в історіографії сужденіє о Солов'євє как о либерале-юдофилє – мистикє, строившєм теократичєскіє теорії на оснєвє Вєтхого Завєта и Каббалы. Ничего читатель не найдет и о связи русского национализма и антисемитской риторики его думских вождей, или о роли этой риторики в проектах имперского строительства, или же хотя бы нескольких ссылок на литературу. М. Келлогу гораздо интереснее продемонстрировать сходство мышления *völkisch*-идеологов и черносотенных публицистов на уровне синтаксиса и риторики, и это, безусловно, ему удастся. За скобками при этом остается вопрос о том, исчерпывалась ли антисемитизмом правонациональная идеология как в России, так и в Германии. Поэтому отлично прописанным, но все же крайне однобоким представляется в работе Келлога очерк истории фелькишистских идей и общественных организаций, где фигурируют цитаты из трудов А. Шопенгауэра и Р. Вагнера, которые подтверждают то, что, в сущности, и не требует подтверждения (т. е. юдофобство). М. Келлог упоминает несколько обществ, которые спонсировали антисемитские издания, и фокусируется именно на этом, оставляя в стороне культурный плюралистичный контекст Веймара и то, что народническая идеология (даже в кристаллизованном академическом виде) имела мало общего с расовыми нацистскими идеологами⁶. Уже отмеченный ранее недостаток работы с литературой проявляется здесь вновь, отметим только, что Келлог, касаясь истории фелькишистских обществ кайзеровского периода, даже не ссылается на классику англосаксонской историографии, например, на известную книгу Р. Чикеринга о Пангерманской лиге (*Alldeutscher Verband*) или монографии В. Смита⁷. Главным представляется все же другое,

⁶ См., напр.: *Murphy D.* The Heroic Earth: Geopolitical Thought in Weimar Germany, 1918–1933. – Kent: Kent State Univ Press, 1997. – 338 p.

⁷ *Chickering R.* We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. – London: Unwin Hyman, 1984. – 338 p.; *Smith W.*

а именно то, что в этой главе так и не было определено отношение автора к феномену русского фашизма и сопутствующим дебатам. А существовал ли в действительности этот феномен, и если да, то какова его генеалогия?⁸ И был ли, наконец, он подчеркнута *национален* (русский, российский)? Вероятно, М. Келлог посчитал, что в первом случае верен ответ «нет» (а второй вопрос просто не заметил). Поэтому речь в книге идет, по сути, именно о некоем обобщенном постреволюционном культурном трансфере (сводящемся в интерпретации автора к антисемитизму) как предпосылке возникновения национал-социализма, к которому дореволюционные черносотенные союзы не имели прямого отношения. Не ясно, правда, зачем, сравнивая немецкие фелькишистские организации и Союз русского народа Дубровина, М. Келлог пишет о том, что российские черносотенцы имели гораздо большее влияние, аудиторию, сплоченность и политические возможности, чем их немецкие единомышленники, и более того, «впервые в истории Европы являли собой политическую группу, предложившую физическое уничтожение евреев» (с. 39, однако автор не приводит ссылки в обоснование этого утверждения). Таким образом, у работы и ее главного тезиса, озвученного во введении, фактически выбивается компаративная основа.

Вторая глава описывает завязку исторического сюжета, лежащего в основе книги. М. Келлог повествует о периоде Гетманата Павла Скоропадского (вторая половина 1918 г.), когда герои книги, многие из которых состояли в черных сотнях (как, например, лейтенант П. Шкабельский-Борк или полковник П. Бермондт-Авалов), оказываются вовлеченными в сотрудничество с германскими оккупационными властями в Украине. Именно здесь и оформились взаимовыгодные контакты немецких правых и белоэмигрантов. Большая часть главы повествует об истории появления в России фальшивки, известной как «Протоколы сионских мудрецов», перевозе ее в багаже Шкабельского-Борка в

The Ideological Origins of Nazi Imperialism. – New York: Oxford University Press, 1986. – 352 p.; *Idem*. Politics and the Science of Culture in Germany, 1840–1920. – New York: Oxford University Press, 1991. – 320 p.

⁸ Судя по библиографии, М. Келлог знаком с работами Ханса Роггера, однако вовсе не упоминает его полемической статьи, не потерявшей значение, несмотря на давность: Rogger H. Was There a Russian Fascism? The Union of Russian People // *Journal of Modern History*. – 1964. – Vol. 36. – P. 398–415.

Германию в самом конце 1918 г. после отступления немцев (Келлог это доподлинно установил по документам гестапо, оказавшимся в российском архиве), переводе на немецкий, полной публикации в Мюнхене, а также фрагментами в *Völkischer Beobachter*; в результате чего, как нетрудно догадаться, с фальшивкой ознакомились А. Розенберг (он также является одним из героев книги) и А. Гитлер. Повествование в книге М. Келлога строится именно таким причинно-следственным образом, и временами кажется, что главная забота автора состоит в том, чтобы продемонстрировать документально эмигрантские «влияния», вывести из них и дальнейшую радикализацию нацизма в 1930-х гг., и розенберговский антисемитизм, и военную стратегию *Drang nach Osten*, и даже *Endlösung* («окончательное решение еврейского вопроса»). Восстанавливая по архивным документам деятельность около десятка лиц, связанных между собой, М. Келлог не замечает, как поддается порочной, на мой взгляд, логике создания текста: его герои конспирируются, вынашивают планы, устраивают путчи и сходятся только потому, что они должны это делать, как герои неких самодостаточных оккультных обществ. (Вероятно, это же объясняет скудость цитируемых автором книги вторичных источников). Лишь в некоторых моментах М. Келлог позволяет себе остановиться и «очеловечить» своих персонажей, используя материалы интервью дочери О. фон Курселя, одного из бывших членов «Ауфбау».

В третьей главе М. Келлог детализирует продолжение «взаимодействия» белых эмигрантов и консервативного немецкого истеблишмента. В центре повествования два исторических события – т. н. латвийская интервенция 1919 г. (инспирированное немецкой стороной противостояние большевикам «Западной добровольческой армии» под руководством Бермондт-Авалова на северном фронте), а также Капповский путч в Берлине. На арене появляется группа выходцев из аристократических семей прибалтийских немцев, эмигрировавших из России после большевистской революции – А. Розенберг, М. Шейбнер-Рихтер, А. Шикеданц, О. фон Курсель, некогда выпускники Рижского политехнического института. Все из них были так или иначе замешаны в обоих упомянутых авантюрах генерала Эриха фон Людендорфа и главы праворадикальной Партии Отечества Вольфганга Каппа.

В четвертой главе Келлог подробно останавливается на предыстории создания «Ауфбау» и перенесения центра сотрудничества немецких правых и монархистов-белоэмигрантов из Берлина в Мюнхен. Ключевыми фигурами (своеобразными медиаторами между двумя сторонами) в полуконспиративной деятельности консервативных кругов выступают Шейбнер-Рихтер и Розенберг. По мнению Келлога, в этот период (1920–1922) политика несколько уступает экономической мотивации: участники многочисленных переговоров неоднократно обсуждают сферы влияния (раздел Польши, отъединение Украины от России, создание независимых балтийских государств) после возможного (в результате совместных усилий конспираторов) падения большевистского режима, а немецкие промышленники охотно финансируют такие проекты в расчете на будущие дивиденды. Один из них – поездку делегации Шейбнера-Рихтера в Венгрию и далее во врангелевский Крым – М. Келлог подробно описывает, впервые в историографии давая возможность читателю узнать об этом эпизоде. Используя документы французской разведки, М. Келлог повествует о начальных этапах существования «Ауфбау» и выявляет источники ее финансирования, среди которых заметно выделялись суммы, полученные из рук великого князя Кирилла Романова, одного из претендентов на российский престол. Если верить документам, оказавшимся в распоряжении М. Келлога, немалая часть этих финансовых вливаний оседала в казне НСДАП, ряд членов которой состоял одновременно (и вполне осознанно) и в «Ауфбау» (с. 125–128, 131–133 и особенно с. 138, 203). Таким образом, и гитлеровская национал-социалистическая партия, и промонархическая «Ауфбау» черпали финансы из одних и тех же источников.

Пятая глава обращается к идеологической мотивации сотрудничества (она преимущественно сводилась к борьбе с «еврейским доминированием» в мире, следствием которого были якобы и Версальский договор, и революция 1917 г.), а также истории попыток членов «Ауфбау» развернуть единый антибольшевистский правый фронт в промонархической эмигрантской среде. Первое (определение общего идеологического фундамента), как считает М. Келлог, было плодотворным предприятием, в то время как подключение к конспираторскому ядру других структур на организационном уровне привело только к усилению вражды между правыми эмигрантскими фракциями. Несмотря на то, что имен-

но Шейбнер-Рихтер и его детище («Ауфбау») стояли за кулисами съезда монархических организаций в баварском Бад Райхенхалле в 1921 г., сплоченности и взаимопонимания между ними (главным образом между «Ауфбау» и Высшим Монархическим Советом Н. Маркова) достичь не удалось – не только из-за споров о наследнике престола, но и из-за разницы геополитических (sic!) интересов группировок. Поэтому гораздо более успешными оказались попытки Шейбнера-Рихтера и Розенберга убедить Гитлера в необходимости совместной борьбы правых немецких и русских патриотов на трех направлениях: с «еврейским» большевизмом, Антантой и Веймарской республикой – такая идея, по крайней мере, четко прослеживается в риторике Гитлера-оратора в 1921–1922 гг.

Шестая глава объединяет совершенно разные темы: М. Келлог рассматривает, с одной стороны, историю участия членов «Ауфбау» и правых баварских группировок в террористической деятельности (неудачное покушение на П. Милюкова и удачное – на министра иностранных дел Веймарской республики В. Ратенау), а с другой стороны – подробно останавливается на том, каким образом конспираторы развивали стратегию военного наступления и представляли себе европейское пространство после поражения большевизма. М. Келлог неоднократно подчеркивает, что проекты «Ауфбау» сложили основу видения Гитлером «восточного вопроса» перед тем, как его представления о «жизненном пространстве» несколько радикализовались в конце 1930-х гг. (с. 167, 183, 192). В общих чертах в этой схеме, как считает М. Келлог, существенное значение отводилось двум элементам: реставрации Габсбургской монархии, включающей Венгрию и Австрию, а также созданию трех блоков государств – балтийского, сибирского и юго-восточного; последний из них представлял бы собой так называемую Лигу черноморских государств, ключевую роль в которой должна играть независимая Украина (с. 183–184).

Благодаря автору читатель получает возможность узнать о ранее совершенно неизвестных исторических персонажах. Особый интерес представляет эксперт «Ауфбау» по украинскому вопросу полковник Иван Полтавец-Остряница, эмигрировавший из Украины после падения режима Скоропадского зимой 1918 г. О его деятельности можно судить лишь на основе немногочисленных архивных документов,

поэтому М. Келлог очень скуп на упоминание биографических данных. Впрочем, совершенно ясно, что именно Полтавец-Остряница придавал осязаемые черты пока еще очень туманным в 1920-х гг. национал-социалистическим проектам *Ostpolitik* («восточной политики»), он же возглавлял Украинский национальный казачий союз, действовавший под эгидой «Ауфбау» и субсидируемый НСДАП, он же активно сотрудничал с тогда уже рейхскомиссаром Розенбергом и Гитлером (будучи в хороших личных отношениях с обоими) при разработке украинской политики Третьего рейха в начале 1940-х гг., завершив свою карьеру в одном из департаментов СС перед самым концом Второй мировой.

Отдельную, седьмую, главу М. Келлог посвящает кульминации сотрудничества «Ауфбау» и нацистов, а именно одному-единственному эпизоду, известному в истории как мюнхенский путч Гитлера–Людендорфа в ноябре 1923 г., стоивший жизни ключевой фигуре-медиатору – Шейбнеру-Рихтеру. Участие в выступлении против республиканцев, поражение и потеря лидера положили фактический конец истории «Ауфбау». Столь четкий историко-хронологический рубеж вынудил бы Келлога писать в последующих главах уже об истории парламентского прихода нацистов к власти без пространных намеков об участии и организационном вкладе белоэмигрантов. Вероятно, этим объясняется ретроспективная логика повествования в следующей главе, где Келлог детально исследует элементы антисемитского мировоззрения, принесенного из революционной России и усвоенного как гитлеровскими наставниками (в частности, Д. Эккартом), так и самим фюрером. Для этого М. Келлог выделяет несколько созвучных предметов антисемитской риторики в печатных органах и работах членов «Ауфбау», НСДАП, а также в гитлеровских речах. Он демонстрирует, как частью нацистского *Weltanschauung* становятся типично пропагандистские темы: еврейского социального и культурного доминирования, смычки буржуазного капитала и еврейства, «угрозы еврейского большевизма», подсчет количества евреев среди большевистских комиссаров, а также эсхатологические сюжеты, в которых переплетаются квазирелигиозные христианские идеологемы и юдофобия. В ряде случаев М. Келлог действительно убедителен, показывая, что Гитлер многое черпал в личных беседах

с идеологами «Ауфбау» полковником Ф. Винбергом и фактическим редактором «Фелькишер беобахтер» Розенбергом. Неясно, правда, насколько такая форма трансфера была действительно диалогичной. В одном из случаев М. Келлог (ссылаясь на культ Достоевского в Германии) вынужден вновь вспомнить где-то на полях о компаративном начале собственной монографии (как и в 7-й главе, где он пишет о том, как большевизм повлиял на стратегию поведения членов «Ауфбау» в ходе путча Людендорфа). К сожалению, компаративного подхода не хватает и последней главе книги, «Национал-социалистическое наследие “Ауфбау”». Келлог обходит молчанием историю расцвета оригинальных правых немонархических русских (и фашистских, и нацистских) организаций в эмиграции в конце 1920-х гг. и уводит читателя в тонкости выяснения, кто же был ответственным за «Endlösung» (коль скоро, несмотря на традиции импортного прибалтийского и домашнего германского культурного антисемитизма, ни Винберг, ни Шейбнер-Рихтер о физическом уничтожении евреев не заикались).

В заключении автор «Русских корней нацизма» вновь возвращается к тезису, который может послужить аргументом в дискуссии об «особом пути», и настаивает на необходимости пересмотра концепции Холокоста как события *sui generis*, предопределенного уникальным ходом немецкой истории. При этом М. Келлог ограничивается ссылкой на феномен «кросс-культурного взаимодействия», так толком и не описанный в его книге и, увы, полностью заслоненный событийной канвой⁹. Таким образом, академический читатель остается, по сути,

⁹ Для сравнения укажем на работу Карла Шлөгеля, специалиста по русской межвоенной эмиграции в Германии, см.: *Schlögel K.* Berlin, Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. – Berlin, 1998; в русском переводе: *Шлөгель К.* Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). – М.: НЛО, 2004. – 632 с. Эпизоды взаимодействия немецких и белоэмигрантских (а также советских) интеллектуалов и политиков рассматриваются в книге Шлөгеля в более широкой культурно-антропологической перспективе. В частности, одна из глав книги посвящена политическим проектам «рекультивации и рецивилизации континента», рождавшимся в берлинских салонных дискуссиях представителей левых сил (там же. – С. 369).

ни с чем после такого увлекательного чтения, поскольку далее в заключительной части М. Келлог уже в который раз (это, отметим, делалось им неоднократно: фрагментарно в начале и конце каждой главы, а также кратко во введении) пересказывает всю историю «Ауфбау» с самого начала. Возможно, такое противоречивое мнение сглаживается, как только внимание читателя переключается на дополнения к книге и внушительный перечень архивов и архивных фондов, которые проработал автор. Однако едва ли стоит полагать, что в этой ее части все еще таится какая-то доля оставшихся не высказанными аргументов.